

ОЧУЖДЕНИЕ И ОЧУЖДАЕМЫЕ В РУНЕТЕ В ПЕРВУЮ “ВОЛНУ” ПАНДЕМИИ COVID-19

Н.В. Крюкова, Ю.И. Адам

Наталья Владиславовна Крюкова | <https://orcid.org/0000-0001-5247-1822> | nkryu@mail.ru | преподаватель Учебно-научного центра социальной антропологии | Российский государственный гуманитарный университет (Миусская площадь 6, ГСП-3, Москва, 125047, Россия) | младший научный сотрудник отдела Кавказа | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Юлия Игоревна Адам | <https://orcid.org/0000-0003-3839-8360> | yulia.adam@iea.ras.ru | к. и. н., младший научный сотрудник Центра кросс-культурной психологии и этологии человека | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

очуждение, поведение, стигматизация, парохизм, “свой” и “чужие”, москвичи, COVID-19

Аннотация

Представленное исследование изучает очуждение (*othering*) в российских реалиях первой “волны” пандемии COVID-19 на материале интернет-коммуникации, публикаций СМИ, данных интервью. Авторы проанализировали содержание более 4000 текстовых сообщений в СМИ и социальных сетях российского сегмента интернета за период с 1 февраля 2020 г. по 2 июня 2021 г. Активно очуждаемой группой первой “волны” пандемии оказались “москвичи”. Основой для очуждения стала их декларируемая “заразность” и в связи с этим – исходящая от них опасность. Особенности очуждения “москвичей” отражают основные положения эволюционной теории парохизмального альтруизма, утверждающей, что ситуации экзистенциальной угрозы, усиливая просоциальность по отношению к своим, одновременно повышают уровень враждебности, проявляемой по отношению к чужим, особенно если присутствие этих чужих воспринимается как дополнительная угроза безопасности. Также усиливаются существовавшие ранее маркирование и стереотипизация. Значительный вклад в установление новой категоризации, распространение очуждения и стигматизации вносят политики и чиновники как представители нормативного большинства.

Информация о финансовой поддержке

РФФИ, <https://doi.org/10.13039/501100002261> [20-04-60186]

Статья поступила 14.03.2022 | Окончательный вариант принят к публикации 19.07.2022

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Крюкова Н.В., Адам Ю.И. Очуждение и очуждаемые в Рунете в первую “волну” пандемии COVID-19 // Этнографическое обозрение. 2022. № 5. С. 187–210. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050104> EDN: IBEBMI

Kryukova, N.V., and Y.I. Adam. 2022. Ochuzhdenie i ochuzhdaemye v Runete v pervuiu “volnu” pandemii COVID-19 [Othering in Runet in the First Wave of the COVID-19 Pandemic]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 187–210. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050104> EDN: IBEBMI

Фон исследования. Начало пандемии COVID-19 привело к масштабному изменению социального поведения. Повышенный уровень тревожности, связанный с угрозой распространения болезни, риском заражения, опасениями не получить медицинскую помощь, ухудшение материального положения и ряд других проблем изменили привычный расклад оппозиции *свои-чужие*. Тот, кто еще вчера считался выгодным партнером на разных уровнях социокультурного взаимодействия, внезапно превратился в источник опасности, в *чужого*, по отношению к которому становится допустимым физическое и социальное дистанцирование, девиантное поведение и проявление открытой агрессии.

Мир столкнулся с мощной волной ксенофобии, буквально в одночасье охватившей как сообщества, традиционно склонные к замкнутости и обособленному образу жизни, так и общества со сглаженными культурными детерминантами, считавшиеся до пандемии открытыми и не имеющими четко выраженных социальных границ. Помимо привычных *чужих* – представителей иной расы, культуры, социальной страты, конфессиональной группы – в условиях пандемии начинают опасаться и тех, кто привычно воспринимался как *свой*. Меняются поведение, стили и практики взаимодействия не только между *своими* и *чужими*, но и между *своими*.

Значительный вклад в эти процессы вносят медиа. Заявления политиков, аналитиков, разнообразных экспертов и вирусологов, которым традиционные и новые СМИ – платформы для обмена контентом, частные новостные каналы в интернете, форумы и социальные сети – охотно предоставляют свои площадки, создают определенный образ вируса, заражения, опасности, пандемии в целом. Характер этих репрезентаций оказывает значительное влияние на общественный дискурс, формирование инфодемии, распространение моральных паник и, как следствие, на отношения между людьми, способствуя очуждению и распространению социальной стигмы.

Цели и задачи исследования. Цель исследования – выявить и описать очуждение (*othering*) в российских реалиях на разных этапах пандемии COVID-19. Данная работа является частью глобального проекта по изучению изменения поведения в ситуации пандемии COVID-19 в России и мире (*Burkova et al.* 2021; *Butovskaya et al.* 2021; *Semenova et al.* 2021). Предметом исследования является очуждающее поведение в интернете по отношению к “москвичам” (имеются в виду все, кого авторы сообщений считают москвичами) в первую “волну” пандемии COVID-19, объектом – русскоязычные сообщения¹ в СМИ, социальных сетях, блогах, мессенджерах, на форумах различных интернет-ресурсов (и комментариев к ним) в русскоязычном сегменте интернета, опубликованные в период первой “волны” пандемии.

Методы исследования. Методология исследования основана на сочетании данных, полученных неопросными методами цифровой этнографии и полуструктурированных интервью. Сбор данных осуществлялся с помощью поисковой системы “МедиаЛогия” по всему русскоязычному сегменту интернета, доступному данной системе, за период с 1.02.2020 по 2.06.2021 г. (с детализацией по каждому из четырех месяцев первой “волны”: март, апрель, май, июнь 2020 г.). В области поиска – социальные сети, блоги, форумы, видеохостинги, а также СМИ и мессенджеры (“ВКонтакте”, “Одноклассники”, Facebook* и Instagram*, TikTok, Twitter, YouTube, Telegram и др.). Данная поисковая система загружает архив сообщений ретроспективно, обновляет информацию ежедневно, что позволяет иметь доступ к сообщениям, впоследствии удаленным их ав-

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

торами, а также включить в поиск комментарии. Проведен интерпретативный анализ содержания полученных текстовых сообщений на предмет релевантности запросу и для определения тональности и социально-демографических показателей. Полученные неопросным методом данные дополнены интервью с целью более детального изучения суждений, оценок, мотивов и практик поведения. Использован также метод включенного наблюдения.

На предварительном этапе были изучены реакции СМИ и социальных сетей на события первой “волны” пандемии, выделены тексты с очуждающим содержанием, определены группы очуждаемых, проведен ряд интервью с информантами. На основе сопоставления с результатами опубликованных по данной тематике исследований выявлены актуальные для изучения группы, в отношении которых отмечались очуждение и проявление ксенофобии в интернете, выбрана одна группа, наиболее характерная для очуждения в первую “волну” пандемии (март–июнь 2020 г.).

Далее были изучены ветки дискуссий в социальных сетях и других источниках, определены сюжеты очуждающих нарративов, характерная лексика (повторяющиеся ключевые слова), на основе которой подготовлены варианты поисковых запросов, проведен ряд тестовых поисков. По результатам тестов составлен контекстный запрос с вариативностью. Всего за период с 1 февраля 2020 г. по 2 июня 2021 г. по данному запросу система собрала более 5000 сообщений, которые были рассмотрены “вручную”, нерелевантные исключены, релевантные промаркированы по тональности и полу автора. Финальная выборка – 4344 сообщения.

Концептуальные основы исследования и анализ актуальной научной литературы. Исследование основано на подходах эволюционной психологии к изучению интернет-поведения. Обмен сообщениями – основная форма интернет-поведения – имеет сходные характеристики с обычным поведением. Действия в интернете воспринимаются акторами коммуникации как вполне реальные и аналогичные обычному поведению, а интернет-коммуникация – как обычное общение, о чем свидетельствуют данные экспериментальных исследований (*Prikhodko et al.* 2021; *Tyler* 2002; *Whitty* 2005). Современный уровень развития онлайн-пространства дает возможность обмениваться мгновенными сообщениями и выражать испытываемые чувства не только с помощью текстового описания своего эмоционального состояния, но и с помощью эмодзи (“смайликов”), знаков препинания, анимированных картинок, других вспомогательных средств коммуникации. В ответах на сообщения люди проявляют весь спектр привычных эмоций, а акторов коммуникации априори воспринимают как живых людей. Эмоции имеют хоть и специфические, но вполне соотносимые с реальными формы выражения: интернет-пользователи могут реагировать агрессивно, показывать свою грусть, злость и отчаяние, вступать в экспрессивные диалоги и делать это в реальном времени, знакомиться, ссориться и флиртовать. Определенные сообщения расцениваются как осуждение, подшучивание, травля, давление, заигрывание, агрессивные выпады и т.д., поскольку тексты эмоционально окрашены и лексически специфичны.

В интернет-коммуникации отражаются основные особенности стабильных поведенческих стратегий, таких как сексуальное поведение, родительское поведение, рискованное поведение, взаимодействие и связанные с ним формы агрессии и примирения, самопрезентации и установления контакта (*Piazza, Bering* 2009). При анализе интернет-общения, как и в реальной жизни, обнаруживаются выраженные половые различия в поведении, связанном с поиском полового и брачного партнера (*Stenstrom et al.* 2008).

В онлайн-пространстве фиксируются существующие офлайн универсальные стратегии взаимодействия между социальными группами. В интернет-ком-

муникации обнаруживаются основные признаки парохияльного альтруизма – поведения, сочетающего в себе кооперативность и лояльность по отношению к *своим* и предвзятость, враждебность по отношению к *чужим*. Разделение на *своих* и *чужих* является одной из стабильных основ социальной жизни людей. Мы взаимодействуем с людьми, которые имеют общую с нами групповую идентичность (этническую, религиозную, региональную и т.д.), но также контактируем и с теми, кто не отождествляет себя с сообществами нашей социальной идентичности. Возникновение агрессивных форм социального противостояния связано не только с тем, что люди проводят различия между членами внутренней (ингруппа) и внешней (аутгруппа) групп, но и с тем, что эти различия быстро приобретают оценочный характер. К членам *своей* группы относятся априори значительно более позитивно, чем к членам *чужой* (Hewstone et al. 2002). Крайняя форма групповой предвзятости – парохияльный альтруизм – предполагает высокий уровень эмпатии по отношению к *своим* и враждебность, нетерпимость, а иногда немотивированное отвращение к *чужим* (Bernhard et al. 2006).

Тенденция к кооперации с членами своей группы и нарастание агрессии по отношению к внешним группам наиболее ярко проявляются в периоды нестабильности, резких изменений окружающей среды, провоцирующих борьбу за ресурсы, территорию, или в контексте межгруппового конфликта (Bowles 2009; Dimijian 2010). Любого рода обострение конкуренции между группами повышает уровень сплоченности и кооперативности ингруппы (Puurтинен, Mappes 2009; Goette et al. 2010), а также препятствует проявлению эмпатии по отношению к членам аутгруппы (Bruneau et al. 2017).

В западной традиции оппозицию *свой-чужой* принято рассматривать и как устойчивую социальную форму/конструкцию, и как процесс, который обозначается терминами *othering* и *altering* (более употребим термин *othering*). Наиболее точно выражающими суть понятия *othering* считаются термины *очуждение*, *обиначивание* (Соколовский 2001). Очуждение – это помещение в категорию *других/иных* и отношение к ним как к существенно уступающим по социальным характеристикам. Очуждение – процесс, в котором посредством дискурсивных практик и особого поведения формируются два типа субъектов: субъекты, занимающие влиятельные социальные позиции, и те, кто им подчинен. Очуждение выражается в дискурсах, нарративах и практиках. Противопоставление *мы-они*, *свой-чужой* имеет типологические характеристики: оно исторично, контекстуально и ситуативно (Шлее 2004).

В западной социальной науке *othering* изучается, как правило, в связи ксенофобией, преступлениями на почве ненависти, дискриминацией, а сам термин тесно связан с понятием социальной стигмы (Keil, Ali 2006). Стигма – это следствие наделения индивида/группы постыдным с точки зрения нормализующего большинства качеством, делающим его неспособным к полноценной общественной жизни. Причины ущербности усматриваются в личностных характеристиках индивида или группы (Hoffman 1963).

В современных подходах очуждение с последующей стигматизацией рассматривается как комплексное явление, состоящее из тесно взаимосвязанных компонентов: маркирования, стереотипизации, отделения, потери статуса, дискриминации; оно также связано с отношениями власти и подчинения и надделением человеческих различий негативными характеристиками. Очуждение при этом рассматривается как этап формирования стигмы, стигматизация же – как динамический процесс, находящийся в зависимости от того, как отдельные индивидуумы/группы позиционируются социальными, экономическими и политическими силами в определенный момент времени (Link, Phelan 2001)².

В данном подходе очуждение выступает инструментом окончательного оформления стигмы, в связи с чем можно сделать следующий вывод: там, где есть промаркированные и отграниченные *чужие*, наличествует и стигма.

Очуждение и стигматизация в периоды распространения инфекционных заболеваний – традиционные области эмпирических исследований. Модели категоризации инаковости изучаются во взаимосвязи со стигматизацией и дискриминацией отдельных групп в период развития эпидемии AIDS и SARS в Азии, Европе и Америке (*Parker, Aggleton 2003; Mak et al. 2006*). Стигматизации подвержены прежде всего группы риска, и связано это с опасениями окружающих, что защитные барьеры могут быть нарушены, и население окажется беспомощным перед лицом болезни. В результате поддержание социальной дистанции провозглашается решающим. Оно же и приводит к очуждению и обвинению зараженного в том, что он сам повинен в своей болезни (*Albert 1986*). Во время эпидемий происходит усиление очуждения и стигматизации ранее маргинализированных групп (*Roberto et al. 2020*). Стигматизируемые рассматриваются как опасные антисанитарные субъекты, угрожающие здоровью общества из-за своей культурной неполноценности и, как следствие, неуместные.

В значительном числе работ очуждение и дискриминация отдельных социальных и этнических групп рассматриваются в связи с пандемией COVID-19. Очуждению подвергаются медицинские работники разных уровней, пациенты с подтвержденным наличием инфекции, иностранцы, мигранты, этнические группы азиатского происхождения, жители мегаполисов и регионов с высоким числом заболевших и др. (*Тювина и др. 2021; Салякина и др. 2022; Ivic, Petrovic 2020; Lubi et al. 2022; O'Brien, Eger 2021*). Сходные по сути процессы очуждения происходят в разных странах, на разных континентах. Объясняя их, авторы привлекают концепты стигматизации, идентичности, биополитики, а также концепт поведенческой иммунной системы (*Reny, Barreto 2022*).

СМИ и социальные сети являются главными агентами/медиаторами дискурса очуждения, категоризации, стигматизации, криминализации *других*. Образ болезни и опасности исследуется во взаимосвязи с текущим дискурсом в СМИ с одной стороны, и с процессами очуждения отдельных этнических и социальных групп – с другой (*Hsu, Liu 2006*). СМИ и социальные сети охватывают все группы населения, в том числе и незатронутые эпидемией, и распространяют доминирующую дискурсивную структуру, с помощью которой интерпретируется вся информация об эпидемии: медиа создают словарь эпидемии, опасности и ответственности (*Ungar 1998; Kasperson et al. 2001; Joffe, Haarhoff 2002*). Определяются дискурсивные тактики, с помощью которых, например, иностранцы представляются переносчиками вируса, ответственными за вспышку COVID-19 (*Bartos et al. 2020*).

Страх, стигматизация, объяснения и действия, основанные на дефиците информации, – распространенные реакции на массовые бедствия (*Taylor 2019*). Социальные сети и веб-сайты с возможностью обмена контентом оказывают прямое воздействие на появление и распространение моральных паник, усиливающих общую тревогу в обществе (*Walsh, Foster 2020*). Отдельные лица и группы могут проецировать боязнь заражения и связанный с ним страх смерти на *иных, чужих*, дабы уменьшить тревогу и ощущение бессилия, испытываемые во время эпидемий (*Crawford 1994; Joffe 1999*).

Теоретические и эмпирические исследования по теме очуждения в целом и очуждения в связи с пандемией на русском языке отсутствуют. В отечественной науке концепт стигматизации применяется при изучении эпидемий и болезней (в частности СПИДа), инвалидности, людей с ограниченными возможностями, социально уязвимых групп (*Бородкина 2008; Звоновский 2008*), а также в исто-

рических исследованиях российских эпидемий и жизнесохранительных практик крестьянства (Зверев 1996; Михель и др. 2004; Канищев и др. 2006; Сорокин 2012).

Проблемы стигматизации в связи с пандемией COVID-19 интересуют в большей степени отечественных психологов и психиатров, в меньшей степени – социологов, политологов. Социальные психологи исследуют связь пандемии, психологического стресса и стигматизации в рамках мониторинга психического здоровья медицинских работников. При этом они отмечают стигматизацию пациентов с коронавирусной инфекцией со стороны младшего и среднего медицинского персонала (Сорокин и др. 2021). Социологи на основе онлайн-опросов и анализа данных СМИ выявляют стигматизацию заболевших и людей с симптомами ОРВИ в начальный период пандемии (Туркулец и др. 2020; Ослон и др. 2021). Пандемийная специфика стигматизации как процесса, происходящего не только на уровне межличностных интеракций, но и в международных отношениях, выявляется политологами. Отмечаются процессы самостигматизации и связь усиления стигмы с инфодемией (Арсентьева 2021). Серьезный вклад в изучение особенностей российской инфодемии, инфодемических нарративов, фейков, слухов и вернакулярной реакции на эпидемию вносят фольклористы (Архипова и др. 2020).

Основные результаты исследования

По данным официальных СМИ, в России первая “волна” пандемии прошла в Москве, Санкт-Петербурге и центральных регионах России в марте–мае 2020 г., в остальных регионах – с задержкой на 1,5–2 месяца. Вторая “волна” – в октябре–декабре 2020 г. Для обеих волн характерно наличие дискурса очуждения, он различен по степени выраженности и общей тональности. В первую “волну” четко определяются группы очуждаемых, присутствуют негативные оценки, порицание, осуждение, предостережения, вербальная агрессия. Среди активно очуждаемых первой “волны” выделяются прежде всего “китайцы”, “иностранцы”, “вернувшиеся из Италии”, “москвичи”, медицинские работники, заболевшие коронавирусом, пожилые (65+), жители крупных городов и регионов с высоким числом заболевших (например, “питерцы”, “дагестанцы”).

Массово и эмоционально обсуждаемая в социальных сетях и СМИ категория первой “волны” – “москвичи”. Обсуждение “москвичей” характерно как для соседних с Москвой областей, так и для чрезвычайно удаленных от столицы регионов. Авторы подавляющего числа сообщений декларируют “заразность” “москвичей” и в связи с этим – исходящую от них опасность. Обращает на себя внимание общая негативная тональность обсуждений и повторяющийся мотив – “москвичи повсюду заразу разносят”. На основе данного мотива и характерной для него лексики после предварительных тестов составлен контекстный поисковый запрос с вариативностью.

Динамика числа сообщений показывает, что основной всплеск активности подобного обсуждения начался в двадцатых числах марта – середине апреля и продолжался до середины мая 2020 г. Еще один пик активности, значительно уступающий по численности сообщений весеннему, пришелся на вторую половину июля. Далее, вплоть до конца изучаемого периода, количество сообщений было стабильно низким с небольшой флуктуацией в ноябре – первой половине декабря 2020 г. (Рис. 1).

Авторы подавляющего числа сообщений настроены негативно по отношению к “москвичам” (Рис. 2).

Суммарный охват потенциальной аудитории в пиковый период обсуждения

Динамика количества сообщений

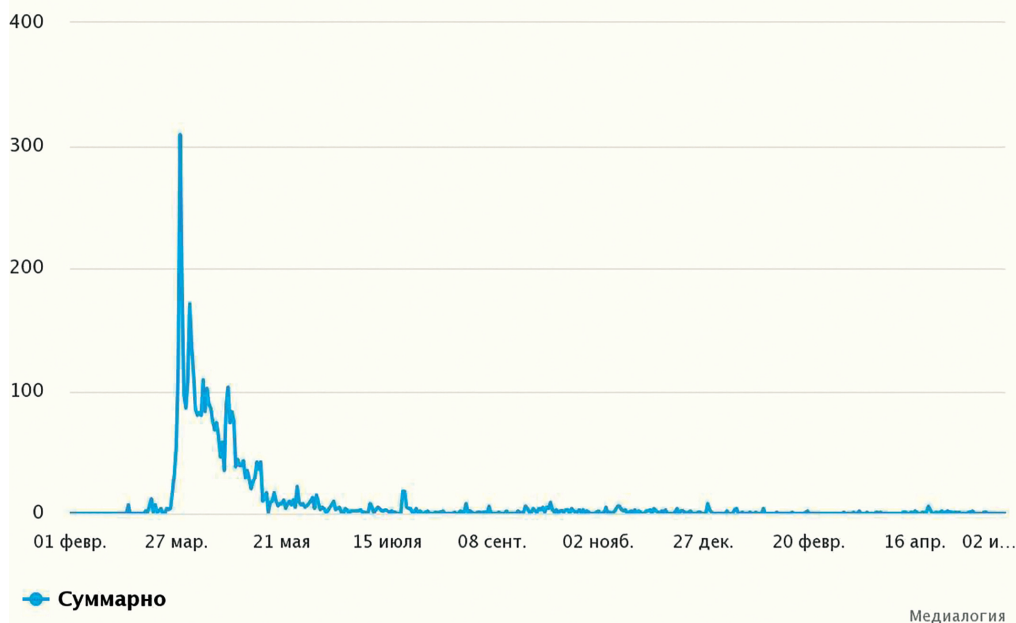

Рис. 1. Динамика количества сообщений

достигал 50 млн чел. К примеру, в пиковый день 30 марта он составил более 53 млн чел., а в пиковый день 16 апреля – чуть менее 48 млн чел.

Наиболее активно обсуждали “заразность” и опасность, исходящую от “москвичей”, в социальной сети “ВКонтакте” (1807), в два раза меньше – в “Одноклассниках” (956), в шесть раз меньше – в Facebook* (453) и т.д. (Табл. 1).

Таблица 1

Активность обсуждения в разных социальных сетях
 (*в категорию “Другие” входят блоги, форумы, СМИ, Youtube, мессенджеры, сообщества – Telegram, Mail.ru, Twitter, TikTok, Яндекс.Дзен и др.)

Площадка	Количество сообщений
“ВКонтакте”	1807
“Одноклассники”	956
Facebook*	453
Instagram*	280
Другие	1807

* Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Тональность

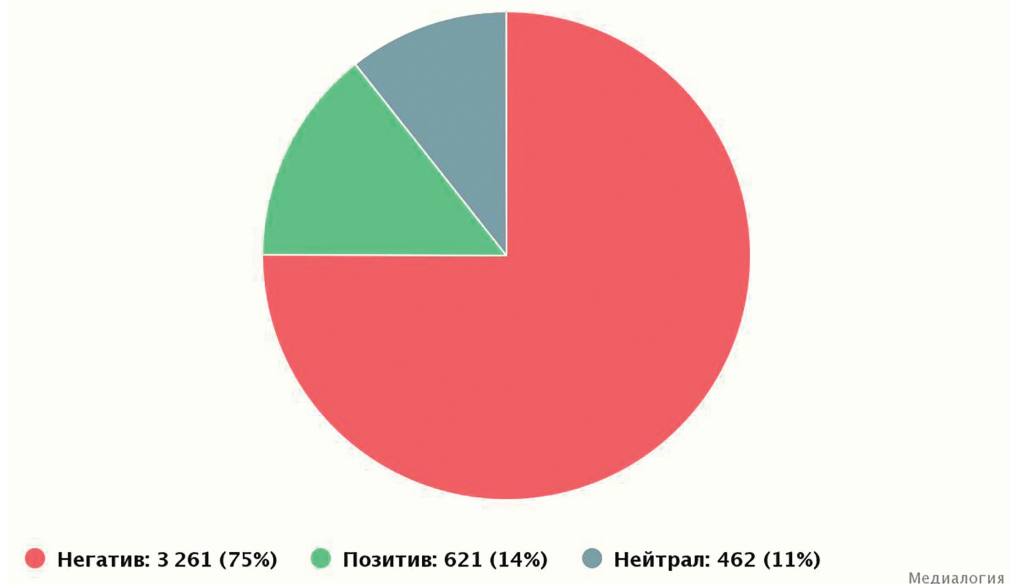

Рис. 2. Тональность сообщений

Соотношение активности дискуссии между социальными сетями и другими площадками для обсуждений представлено в Таблице 2.

Таблица 2

**Активность обсуждения
на разных типах площадок**

Площадка	Количество сообщений
Социальные сети	3688
Форумы	199
Блоги	273
Мессенджеры	60
СМИ	122

Подавляющее число сообщений (3478) определяются как сообщения из России, 730 сообщений не имеют геолокации, из оставшихся наибольшее число (по мере убывания) – из Украины, Казахстана, США, Германии, Беларуси и еще 18 стран. Общее число по этим странам невелико. У 82,7% (2875) сообщений можно определить точное местоположение.

Вредоносность “москвичей” в связи с пандемией обсуждали в 78 субъектах РФ в 85,5% (2973) сообщений. Наиболее активны в такого рода дискуссиях были жители столичного региона и граничащих с ним областей, а также традиционных курортных и туристических регионов, например Крыма, Красно-

дарского края, Карелии. Схожая картина наблюдалась в динамике показателя вовлеченности. Индекс вовлеченности отражает сумму лайков, комментариев, репостов или ретвитов сообщения. Наиболее обеспокоенными оказались жители ближайших к Москве областей и тех, которые считаются курортными (Табл. 3).

Таблица 3

**Количество сообщений
и уровень вовлеченности по регионам**

Топ-25 регионов РФ	Сообщения	Аудитория
Москва	711	132 066 517
Без региона	505	64 591 881
Смоленская область	197	3 255 418
Ярославская область	182	15 819 854
Московская область	166	16 154 030
Краснодарский край	123	22 930 023
Владимирская область	98	4 781 950
Санкт-Петербург	86	31 538 628
Крым Республика	83	3 831 185
Тверская область	75	16 973 712
Калужская область	67	5 240 142
Тульская область	62	13 253 518
Нижегородская область	59	15 659 745
Челябинская область	59	4 833 379
Рязанская область	57	9 647 367
Воронежская область	47	6 762 505
Республика Карелия	39	20 366 137
Ростовская область	38	6 523 419
Свердловская область	36	1 002 695
Самарская область	35	5 942 611
Вологодская область	33	3 613 971
Тамбовская область	33	427 922
Белгородская область	30	2 821 300
Волгоградская область	29	19 676 756
Калининградская область	28	10 474 626

Всего в дискуссию было вовлечено 459 городов. Наибольшую обеспокоенность “москвичи” вызывали у жителей Санкт-Петербурга, Смоленска,

Рис. 3. Тональность: гендерные различия

Ярославля, Рославля, Краснодар, Рязани, Владимира, Калуги, Твери, Тулы, Челябинска, Петрозаводска, Симферополя, Воронежа, Нижнего Новгорода, Переславля-Залесского, Севастополя, Сочи, Калининграда, Волгограда, Тамбова, Новосибирска, Белгорода.

Автоматическое распознавание пола и тональности поисковой системой неинформативно. Эти показатели определены “вручную”, с помощью анализа содержания каждого сообщения. Среди принимающих участие в обсуждении поведения “москвичей” преобладают женщины, их 49%, авторов-мужчин 34%, и для 17% сообщений пол автора определить невозможно.

Распределение сообщений по тональности (негативные, позитивные или нейтральные) обнаруживает сходную тенденцию для мужчин и женщин – негативные оценки преобладают (Рис. 3). Женщины оставили 1556 негативных сообщений (73%), позитивны 384 сообщения (18%) и нейтральны по тональности 184 сообщения (9%). Мужчинам принадлежит 1148 (77%) сообщений, носящих негативный характер, позитивными можно назвать 173 сообщения (12%) и нейтральными – 168 сообщений (11%).

Основная масса негативных сообщений приходится на двадцатые числа марта – середину апреля 2020 г. Анализ динамики числа сообщений показывает резкий скачок 25-26 марта и пик 28 марта 2020 г., еще один взлет – с 4 по 9 апреля 2020 г. Последующие всплески первой “волны” уже не достигали мартовских значений.

Сопоставительный анализ текстов в СМИ и текстов сообщений в социальных сетях за вторую половину марта показывает, что взлет и пик информационной активности связаны с объявлением 25 марта нерабочих дней, а также с введением режима самоизоляции для москвичей 30 марта 2020 г. Взрыв возмущения и раздражения и, как следствие, развитие дискурса осуждения Москвы и “москвичей” вызвали решения о закрытии города на въезд и одновременно разрешение на выезд. Вот типичный текст периода 25–28 марта 2020 г.:

Вчера ВВП объявил нерабочую неделю, а выезд из городов запретить забыл. Завтра, послезавтра москвичи и петербуржцы повезут развозить заразу по близлежащим областям – Тверской, Владимирской, Псковской, Новгородской и далее по списку – приготовиться. Заезд во все магазины по ходу движения, нужно шашлыками закупиться. Правильное решение, всех врачей нужно озадачить работой, чего коронавирус концентрированно держать... Китайский новый год, блин (ПМА 2020).

В первых числах апреля в СМИ выходит текст, содержащий высказывание мэра Москвы С.С. Собянина, недовольного поведением москвичей. Этот текст активно тиражируется СМИ, постится и репостится в соцсетях и блогах, вызывая волну комментариев:

Безответственные жители Москвы стали самым серьезным источником распространения коронавируса в столице, считает мэр города Сергей Собянин. Москвичи проигнорировали предупреждение властей и отправились отдыхать в Куршевель и на другие европейские курорты, когда там уже началось массовое заражение вирусом, рассказал градоначальник в интервью “РИА Новости”. “Объявили карантин [в Европе] – более того, сделали это буквально перед праздниками, когда длинные праздники были перед 8 марта, и довели до горожан, что не надо лететь в Европу, не надо в Куршевель лететь, потому что вы можете там заразиться и привезти оттуда инфекцию” – напомнил Собянин. «Вы знаете, это было воспринято как издевка какая-то: “Да что вы? Такого не может быть!”» (Слабев 2020)³.

Анализ текстов сообщений, многие из которых являются репостами исходного текста с добавлением негативных комментариев относительно поведения “москвичей”, тональности комментариев, лексики, индекса вовлеченности в дискуссию, а также числа комментариев показывает, что вышеприведенный текст, очевидно, если не спровоцировал, то оказал влияние на формирование, распространение и эмоциональную окраску обсуждения “москвичей”.

Визуализация по частоте и связанности слов поискового запроса представлена на Рис. 4. Более крупный шрифт соответствует большей частоте употребления слова в сообщениях.

Рис. 4. Лексический анализ сообщений

Сообщения и комментарии содержат упоминания о “безответственных москвичах”, “больных москвичах”, “заразных москвичах”, “коронавирусных москвичах”, а также слов “москвич”/“москвичи” в сочетании со словами “зараженный”, “драный”, “проклятый”, “упертый”, “глупый”, “грязный”, “тупой”, “бл...кий”, “суки”, “разносчик” и т.д. В сообщениях коронавирус также называют “московской бациллой”, “московской заразой”.

Авторы и комментаторы текстов обеспокоены тем, что “москвич” или “москвичи” “бегут от заразы”, “бегут в регионы” или, как вариант, “бегут” в их – авторов и комментаторов – “чистый” регион/область, “расползаются” и “заразу” “растаскивают”, “разносят”, “распространяют”, “развозят”, “завозят” как “тараканы”, “крысы”, “клопы”, “паразиты”. Москвичи, по мнению авторов и комментаторов, приезжают в их “чистый” регион/область/город/село, скрываются и “всех заражают”.

По отношению к “москвичам” предлагалось применять следующие меры: сажать на карантин, не сдавать жилье, портить (прокалывать шины)/переворачивать/поджигать машины с московскими номерами, доносить (за несоблюдение карантина), отправлять на принудительную изоляцию, не пускать в магазины, не продавать продукты, закрыть аэропорты, перекрыть дороги, запретить въезд в регион/область/город/село/СНТ, чтобы “ни одна московская бацилла не проникла”, ссаживать с поездов, избивать, отбирать деньги и имущество, портить имущество, не пускать или не выпускать из своих домов/квартир/дач, штрафовать “разносчиков”, отлавливать и изолировать или отправлять “восвояси” – как вариант, в Сибирь или на шахту в Воркуту, и т.п. и т.д.

Авторы и комментаторы сообщений предлагают и призывают “закрыть” Москву полностью или на выезд, “изолировать от России”, “окопать рвом” и никого из города не выпускать, сжечь, отменить железнодорожное и авиасообщение с Москвой, не вывозить из Москвы товары и продукты и т.п.

Некоторые из перечисленных выше мер реализовывались на практике. Информанты утверждали, что “москвичам” не сдавали внаем жилье (Владимирская обл., Ивановская обл., Ярославская обл., Республика Крым, Краснодарский край) или сдавали с неохотой и подробными расспросами о состоянии здоровья; не пускали на въезд в дачные СНТ, не выпускали с дачных участков, угрожали расправой/поджогом с требованием уехать из деревни/дачного СНТ; не пускали в поселковые магазины или не продавали продукты; бросали камни в окна домов/дач “москвичей”; не пускали на автостоянки машины с московскими номерами, запрещали заходить в магазин пассажиров таких автомобилей, дистанцировались от пассажиров этих машин в магазинах, на автозаправках, в кафе и ресторанах; прокалывали шины, разбивали стекла, поджигали машины с московскими номерами; сообщали в полицию, органы Роспотребнадзора о проживающих в их доме/подъезде “москвичах”, нарушающих карантинные предписания; избегали общения, обходили стороной; не контактировали со знакомыми “москвичами”; не оказывали помощь заболевшим или обращавшимся за помощью “москвичам” (ПМА 2020).

При изучении веток дискуссий и в беседах с информантами выясняется, что под “москвичами” понимают тех, кто едет в Москву/приехал из Москвы, перемещается на автомобиле с московскими номерами, прилетает/приезжает на общественном транспорте из столицы, а также тех, кто по каким-то причинам ассоциируется у них с Москвой. Это, например, жители столичного региона, которые сами, как мы видим, активно участвуют в очуждении “москвичей”. Чаще всего в категорию “москвичи” помимо коренных жителей столицы помещаются люди, временно проживающие в столице или работающие там вахтовым методом (Там же).

Выводы. Дискуссия

Выявленные особенности поведения по отношению к “москвичам” отражают основные положения эволюционной теории парохизмального альтруизма, утверждающей, что ситуации экзистенциальной угрозы, усиливая просоциальность по отношению к тем, кто считается принадлежащим к той же группе, что и индивид, в то же время увеличивают враждебность по отношению к *чужим*, особенно если присутствие этих *чужих* воспринимается как дополнительная угроза безопасности. Проявление агрессии к чужим ярко проявилось в интернет-коммуникации, являющейся развитием форм поведения, характерных для обычной жизни. В виртуальном пространстве вербальная агрессия и гнев вылились в текстовые сообщения с угрозами и оскорблениями по отношению к очуждаемой группе.

На примере “москвичей” можно также наблюдать, что граница раскола на *своих* и *чужих* зачастую маркируется по старым привычным линиям. Москва и жители столицы традиционно противопоставлялись остальному населению страны и были объектом обиначивания, стереотипизации и маркирования в разные периоды истории. В массовом сознании они отделены от остальной страны, что иллюстрирует популярное высказывание “Москва – не Россия”. В каком-то смысле москвичи всегда были *чужими*, к ним более пристально присматривались и по отношению к ним считалось нормальным высказывать осуждение, они представлялись (особенно теми, кто никогда не жил в столице) высокомерными, ведущими незаслуженно легкий образ жизни, озабоченными материальным благополучием (Григорьева, Хамидова 2018; Прокофьева, Крошкина 2018). Москвичам всегда приписывалось “носительство” того или иного “вируса” – избалованности, снобизма, легкомысленности, что отражалось в том числе на образе москвича (Березович, Кривошапова 2015). В периоды стабильности и благополучия к “москвичам” относились более лояльно. Быстрое распространение опасной инфекции, выявляемой в первую очередь в больших городах, мгновенно и логично вписалось в концепцию традиционного “носительства” москвичами разных вредоносных тенденций, актуализировав коллективный российский сентимент в отношении Москвы и ее жителей.

Очуждение “москвичей” интересно также тем, что иллюстрирует особенности выстраивания границ между социальными группами во время кризисов в постиндустриальном мире. Именно в процессе разрушения привычного образа жизни рождаются так наз. контекстуальные *чужие* – те, на чуждость которых в обычной, не угрожающей ситуации закрывают глаза, но которая выходит на первый план в условиях резких изменений социальной среды. По сообщениям информантов, “москвичи” в допандемийные времена вносили значительный позитивный вклад в локальные экономики, были выгодными партнерами социокультурного взаимодействия. С началом пандемии этот привычный выгодный партнер в одночасье стал *чужим*, по отношению к которому становятся допустимыми дистанцирование, физическое и социальное, девиантное поведение и проявление открытой агрессии. К контекстным *чужим* можно отнести и жителей своего же города, работавших в Москве и вынужденных вернуться на малую Родину из-за локдауна. Внезапно они перестали быть *своими* для *своих*. Буквально на глазах произошли процессы новой категоризации, размежевания, обновления социальных границ и стереотипизации: люди очуждались по факту связи с Москвой.

“Москвичи” предстают в очуждающих сообщениях не просто как иная социальная группа, но как иной биологический вид. Зооэпитеты помещают “москвичей” в один класс с животными и насекомыми-паразитами. В исходных

сообщениях и ветках комментариев при описаниях угрозы, исходящей от “москвичей”, употребляются соответствующие глаголы и прилагательные. Особенно это характерно для сообщений за март-апрель 2020 г. Ретрансляция данных дискурсивных особенностей происходила не только через социальные сети, блоги, форумы, но и через СМИ, в том числе и через государственные каналы распространения информации.

По отношению к “москвичам” выражается весь спектр негативных эмоций: начиная от недовольства, раздражения, осуждения и заканчивая агрессией и завуалированными и даже открытыми угрозами расправы. Авторы сообщений и информанты отмечают, что “москвичи” “везут”, “несут” с собой не только “заразу”, угрожая здоровью и жизни жителей регионов, но и экономические проблемы – дефицит продуктов, жилья (что влечет за собой повышение цен на товары и услуги).

Практики очуждения “москвичей” развивались в логике парохияльного альтруизма: устранение опасности и риска для группы *своих* связывалось с физическим отстранением или устранением *чужих* как источника распространения малоизученной (пришедшей извне, *чужой*) инфекции. По отношению к “москвичам” применялись или демонстрировалось намерение применить “классические” приемы изгнания, изоляции, недопущения. Информанты-москвичи отмечали, что чувствовали недоверие, настороженность, враждебность и часто избегали общаться (собственникам жилья, продавцам, чиновникам), откуда они приехали, скрывали данные паспортов, стремились скрыть свою “московскость”. В ситуациях, когда это было невозможно – на заправках, на автостоянках, в придорожных кафе и магазинах, – некоторые из них испытывали неприятные чувства, ощущали угрозу или отторжение, враждебность, исходящую от “местных жителей”. В отдельных ситуациях люди испытывали чувство унижения, например, когда их подробно расспрашивали о состоянии здоровья и проявляли к ним недоверие. Для многих “москвичей” такая ситуация была непривычной (например, для собственников в деревнях или дачных СНТ). Характерно, что для “москвичей” в целом также свойственно биологизировать навязанную извне инаковость: информанты отмечали, что стали “как будто не люди”, как “обезьяны”, “животные” (ПИМА 2020).

Очуждению подвергались и “москвичи”, и сам город Москва. Авторы сообщений, опрошенные местные жители четко выделяли *свое* – “чистый”, не затронутый инфекцией город/регион/село и его “чистых” жителей, и опасную, “заразную”, *чужую* Москву и всех, кто с ней связан. Стремясь обезопасить *своих*, наиболее обеспокоенные призывали буквально отгородить *чужих* и опасных, “испорченный” инфекцией регион от остального мира.

В ситуации быстрого распространения неизвестной болезни в первый, самый драматичный период пандемии массовое перемещение “москвичей” в регионы воспринималось как вторжение. “Москвичи” представлялись основными переносчиками новой “заразы” и воспринимались как нечто грязное и опасное. Москва, “москвичи” в сознании очуждающих приравнивались к опасному вирусу, “заразе”, болезни, а “московскость” автоматически превратилась в “заразность”, стала признаком/маркером опасного субъекта, взаимодействие с которым нежелательно и опасно. Ощущение собственной инаковости, желание скрыть свою “московскость”, с одной стороны, стереотипизация, дегуманизация, очуждение, дискриминация, – с другой, свидетельствуют о процессах формирования социальной стигмы, которая могла быть видимой, к примеру, в ситуациях изгнания “москвичей” из дачных СНТ, нападений на автомашины с московскими номерами или в изменении отношения к местным, работающим в Москве. Либо невидимой, как в случае с самостигматизацией снимающих жилье “москвичей”.

Наиболее вероятно, что эти процессы усилились очуждающими высказываниями и поведением официальных лиц, заявляющих о неразумном и безответственном поведении “москвичей”, отделяя их таким образом от остального “разумного” и “ответственного” социума, или открыто призывающих закрыть границы регионов от “москвичей”, не сдавать им жилье, а также слухами, фактами дискриминации, агрессии в локальных сообществах, где подобные призывы могли восприниматься как прямое руководство к действию.

Мы полагаем также, что очуждению способствовали стремительная медиализация общественного дискурса и желание СМИ и медийных акторов на разных платформах получить выгоды от “хайпа” вокруг противоречивых репрезентаций вируса и болезни, с одной стороны, и недостатка проверенной информации об инфекции, течении болезни, путях распространения инфекции – с другой. В ситуации эпидемии люди для определения того, кто может быть инфицирован и опасен, используют социальные маркеры и знаки, а не симптомы. Так проще и эффективней обезопасить *своих*. Факты, свидетельствующие о том, что COVID-19 может распространяться бессимптомно, и то, что Москва – мегаполис с тесным скоплением людей и “входные ворота” страны, а, соответственно, и инфекции, дали людям повод для дополнительной рационализации своего негативного отношения к “москвичам” и очуждающего поведения. Подобное восприятие жителей мегаполисов отмечалось во многих странах.

Исследование носит фундаментальный характер, однако внимательный анализ полученных результатов может помочь скорректировать ограничительные меры, принимаемые на федеральном и городском уровнях в ситуации возникновения и быстрого распространения новых вирусных угроз. Проведенное исследование обнаруживает связь между сообщениями, транслируемыми чиновниками высокого уровня, и эскалацией или провоцированием конфликта между группами, особенно если одна из взаимодействующих групп и ранее была очуждаема. Так, неосторожное высказывание мэра Москвы, осуждающее “безответственных” жителей столицы, растиражированное федеральными СМИ, а на следующем этапе – социальными сетями и блогерами, усилило общую волну инфодемии первых месяцев пандемии и обострило дискуссии между пользователями Рунета об особой “вредоносности” жителей столичного региона, что, возможно, в ряде случаев имело последствия и в реальной жизни (избиения “москвичей”, перекрытия дорог, мелкие конфликты на вербальном уровне). Свою негативную роль сыграли и вбросы фейковых новостей о масштабном заражении москвичей коронавирусом (Сачков 2020). Намеренно стигматизирующие или неосторожные высказывания в медийном пространстве тиражируются с огромной скоростью через социальные сети. Репосты в публичном пространстве нормализуют сюжет, что способствует его еще более активному распространению и изменению поведения значительного числа людей (Архипова 2020: 241) Очуждающие посты провоцируют ксенофобское поведение.

По мере роста числа случаев заболевания COVID-19 всплеск ксенофобии и дискриминационного поведения по отношению к представителям разных социальных и этнических групп наблюдался во многих странах и в ряде случаев был активизирован сообщениями в СМИ. В США, где коронавирус получил название “китайский грипп” или “вирус Ухань”, мгновенно выросли антиазиатские настроения (Noel 2020; Reny, Barreto 2020).

Кейс “москвичей” интересен тем, что на его примере мы видим, как быстро в ситуации глобальной угрозы в современном информационном пространстве формируется образ *новых чужих*, актуализуется стереотипированный образ *старых чужих*, ложась на благодатную почву закрепившихся на эволюционном пути нашего вида страхов, связанных со взаимодействием с любыми *иными, другими*.

Примечания

¹ Сообщения – тексты по теме поискового запроса: публикации в интернет-СМИ, сообщения из форумов, отзывы, посты, репосты, комментарии, сторис в социальных сетях, распознанные системой тексты на картинках в сообщениях в социальных сетях, транскрипты видеохостинга Youtube.

² Дж. Фелан и Б. Линк выделяют основные этапы формирования стигмы. Первый – навешивание ярлыка (выделение и утирование черты индивида). Второй – стереотипизация (формирование доминирующих представлений о том, что носители ярлыка имеют нежелательные качества). В отношении их носителей формируются отрицательные социальные стереотипы. Далее следует стадия сепарации – индивид с ярлыком помещается в отдельную категорию, происходит четкое деление на “мы” и “они”. Финальный этап – дискриминация. Стигматизируемый индивид подвергается отторжению, его права ущемляются, происходит потеря социального статуса.

³ Цитата была взята в ходе проведения исследований 02.06.2021. В настоящее время первая часть цитаты на сайте удалена (удаленный фрагмент выделен курсивом).

Источники и материалы

ПМА 2020 – Полевые материалы авторов. Данные интервью, взятые у жителей Москвы, Ярославской, Московской, Владимирской, Костромской, Ивановской областей, Краснодарского края, 2020 г.

Сачков 2020 – Сачков И. Group-IB начала расследование о вбросе фейковых новостей о масштабном заражении москвичей коронавирусом // Group-IB. 02.03.2020. <https://www.group-ib.ru/media/fake-news-coronavirus>

Слабеев 2020 – Слабеев А. Собянин пожаловался на москвичей, отдыхавших в Куршевеле // DailyStorm. 10.04.2020. <https://dailystorm.ru/news/sobyanin-pozhalovalsya-na-moskvichey-otdyhavshih-v-kurshevele> (дата обращения: 02.06.2021).

Научная литература

Арсентьева И.И. Политический дискурс стигматизации Китая в контексте пандемии COVID-19 // Вестник МГИМО-Университета. 2021. Т. 14 (2). С. 22–46. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46>

Архипова А.С. и др. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6 (160). С. 231–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>

Березович Е., Кривошапова И. Образ Москвы в зеркале русского и иностранных языков: Человек. Культура. Политика и экономика // Quaestio Rossica. 2015. № 1. С. 129–152. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.083>

Бородкина О.И. Социальный контекст эпидемии ВИЧ/СПИДа в России // Журнал исследования социальной политики. 2008. Т. 6 (2). С. 151–176.

Григорьева К.С., Хамидова И.А. Сельские жители Чеченской Республики о Москве и москвичах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3 (145). С. 230–247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.12>

Зверев В.А. Санитарная культура и жизнесохранительное поведение крестьянства Верхнего Приобья (два сюжета из второй половины XIX – первой трети

- XX в.) // Бердск: прошлое, настоящее, будущее: сборник статей и материалов научно-практической конференции / Ред. В.И. Соболев, В.И. Баяндин, Л.И. Васеха. Новосибирск: Администрация г. Бердска Новосибирской обл.; ДЮЭЦ “Берегиня”; НГПУ, 1996. Вып. 1. С. 1–8.
- Звоновский В.Б. ВИЧ и стигма // Журнал исследований социальной политики. 2008. Т. 6 (4). С. 505–522.
- Канищев В.В., Мещеряков Ю.В., Яковлев Е.В. Источники изучения поведения населения и деятельности властей Тамбовской губернии в условиях холерных эпидемий XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. № 1 (41). С. 15–27.
- Михель Д.В., Михель И.В., Сироткина И.Е. Медицина против эпидемий в Поволжье: социально-исторический контекст (1890–1925) // Вестник Евразии. 2004. № 3. С. 113–139.
- Ослон А.А. и др. Социология пандемии. Проект коронаФОМ. М.: Институт Фонда Общественное Мнение (инФОМ), 2021.
- Прокофьева А.М., Крошкина М.С. Ценностные ориентации современного москвича в представлениях российских мигрантов // Социодинамика. 2018. № 5. С. 21–28. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26209>
- Салякина Е.Д., Алентьева И.А., Родина Е.А., Давиденко М.В. Агрессия и насилие в отношении медицинских работников во время пандемии COVID-19 // Acta Medica Eurasica. 2022. № 1. С. 44–55. <https://doi.org/10.47026/2413-4864-2022-1-44-55>
- Соколовский С.В. Образы “других” в российской науке, политике и праве. М.: Путь, 2001.
- Сорокин М.Ю. и др. Популяционное исследование психического здоровья медработников России: факторы дистресса, ассоциированного с пандемией COVID-19 // Социальная и клиническая психиатрия. 2021. Т. 31 (1). С. 49–58.
- Сорокин П.А. Человек и общество в условиях бедствий: влияние войны, революции, голода, эпидемии на интеллект и поведение человека, социальную организацию и культурную жизнь. СПб.: Мирь, 2012.
- Туркулец С.Е., Туркулец А.В., Листопада Е.В., Сокольская М.В. Социальная стигматизация в период пандемии // Социодинамика. 2020. № 5. 11–25. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.5.32945>
- Тювина Н.А., Высокова В.О., Максимова Т.Н., Прохорова С.В. Причины и предикторы психических нарушений в период пандемии COVID-19 // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2021. Т. 13 (6). С. 85–90. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-6-85-90>
- Шлее Г. Управление конфликтами: теория и практика. М.: Терра, 2004.
- Albert E. Illness and Deviance: The Response of the Press to AIDS // The Social Dimensions of AIDS: Method and Theory / Eds. D.A. Feldman, T.M. Johnson. N.Y.: Praeger, 1986. P. 163–178.
- Bartos V., Bauer M., Cahliková J., Chytilová J. Covid-19 Crisis Fuels Hostility against Foreigners // SSRN. 18.06.2020. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3593411>
- Bernhard H., Fischbacher U., Fehr E. Parochial Altruism in Humans // Nature. 2006. Vol. 442 (7105). P. 912–915. <https://doi.org/10.1038/nature04981>
- Bowles S. Did Warfare Among Ancestral Hunter-Gatherers Affect the Evolution of Human Social Behaviors? // Science. 2009. Vol. 324 (5932). P. 1293–1294. <https://doi.org/10.1126/science.1168112>
- Bruneau E.G., Cikara M., Saxe R. Parochial Empathy Predicts Reduced Altruism and the Endorsement of Passive Harm // Social Psychological and Personality Science. 2017. Vol. 8 (8). P. 934–942. <https://doi.org/10.1177/1948550617693064>
- Burkova V.N. et al. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global

- Perspective: Data from 23 Countries // *Sustainability*. 2021. Vol. 13 (7). P. 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
- Butovskaya M.L. et al.* Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave // *Sustainability*. 2021. Vol. 13 (13). P. 7431. <https://doi.org/10.3390/su13137431>
- Crawford R.* The Boundaries of the Self and the Unhealthy Other Reflections on Health, Culture and AIDS // *Social Science & Medicine*. 1994. Vol. 38 (10). P. 1347–1365. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(94\)90273-9](https://doi.org/10.1016/0277-9536(94)90273-9)
- Dimijian G.G.* Warfare, Genocide, and Ethnic Conflict: A Darwinian Approach // *Baylor University Medical Center Proceedings*. 2010. Vol. 23 (3). P. 292–300. <https://doi.org/10.1080/08998280.2010.11928637>
- Goette L., Huffman D., Meier S., Sutter M.* Group Membership, Competition, and Altruistic Versus Antisocial Punishment: Evidence from Randomly Assigned Army Groups // *IZA Discussion Paper*. 2010. No. 5189. <https://ssrn.com/abstract=1682710>
- Hewstone M., Rubin M., Willis H.* Intergroup Bias // *Annual Review of Psychology*. 2002. Vol. 53 (1). P. 575–604. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135109>
- Hoffman E.* Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity. N.Y.: Simon & Schuster, 1963.
- Hsu M., Liu Ch.* Discourse of “Othering” during the SARS Outbreak in Taiwan: A News Analysis // *Population Dynamics and Infectious Diseases in Asia* / Eds. A.C. Sleight et al. Singapore: World Scientific, 2006. P. 329–350.
- Ivic S., Petrovic R.* The Rhetoric of Othering in a Time of Pandemic: Labeling COVID-19 as a “Foreign Virus” in Public Discourse // *Kultura Polisa*. 2020. Vol. 17 (43). P. 421–433.
- Joffe H.* Risk and “the Other”. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489846>
- Joffe H., Haahrhoff G.* Representations of Far-Flung Illnesses: The Case of Ebola in Britain // *Social Science & Medicine*. 2002. Vol. 54 (6). P. 955–969. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(01\)00068-5](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(01)00068-5)
- Kasperson R.E., Jhaveri N., Kasperson J.X.* Stigma and the Social Amplification of Risk: Toward a Framework of Analysis // *Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology* / Eds. J. Flynn, P. Slovic, H. Kunreuther. L.: Routledge, 2001. P. 176–195.
- Keil R., Ali H.* Multiculturalism, Racism and Infectious Disease in the Global City: The Experience of the 2003 SARS Outbreak in Toronto // *TOPIA*. 2006. Vol. 16. P. 23–49. <https://doi.org/10.3138/TOPIA.16.23>
- Link B.G., Phelan J.C.* Conceptualizing Stigma // *Annual Review of Sociology*. 2001. Vol. 27. P. 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
- Lubi K. et al.* “Other Patients Become a Secondary Priority”: Perceptions of Estonian Frontline Healthcare Professionals on the Influence of COVID-19 on Health (in) Equality and Ethical Decision-Making // *Journal of Communication in Healthcare*. 2022. Vol. 15 (1). P. 54–63.
- Mak W.W.S. et al.* Comparative Stigma of HIV/AIDS, SARS, and Tuberculosis in Hong Kong // *Social Science and Medicine*. 2006. Vol. 63 (7). P. 1912–1922. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.04.016>
- Noel T.K.* Conflating Culture with COVID-19: Xenophobic Repercussions of a Global Pandemic // *Social Sciences & Humanities Open*. 2020. Vol. 2 (1). P. 100044. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100044>
- O'Brien M.L., Eger M.A.* Suppression, Spikes and Stigma: How COVID-19 Will Shape International Migration and Hostilities toward It // *International Migration*

- Review. 2021. Vol. 55 (3). P. 640–659. <https://doi.org/10.1177/0197918320968754>
- Parker P., Aggleton P. HIV and AIDS-related Stigma and Discrimination: A Conceptual Framework and Implications for Action // *Social Science and Medicine*. 2003. Vol. 57 (1). P. 13–24. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(02\)00304-0](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(02)00304-0)
- Piazza J., Bering J.M. Evolutionary Cyber-Psychology: Applying an Evolutionary Framework to Internet Behavior // *Computers in Human Behavior*. 2009. Vol. 25 (6). P. 1258–1269. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.07.002>
- Prikhodko O.V. et al. Ways of Expressing Emotions in Social Networks: Essential Features, Problems and Features of Manifestation in Internet Communication // *Online Journal of Communication and Media Technologies*. 2020. Vol. 10 (2). e202010. <https://doi.org/10.29333/ojcmnt/7931>
- Puurttinen M., Mappes T. Between-Group Competition and Human Cooperation // *Proceedings of the Royal Society B*. 2009. Vol. 276 (1655). P. 355–360. <https://doi.org/10.1098/rspb.2008.1060>
- Reny T.T., Barreto M.A. Xenophobia in the Time of Pandemic: Othering, Anti-Asian Attitudes, and COVID-19 // *Politics, Groups, and Identities*. 2020. Vol. 10 (2). P. 209–232. <https://doi.org/10.1080/21565503.2020.1769693>
- Roberto K.J., Johnson A.F., Rauhaus B.M. Stigmatization and Prejudice during the COVID-19 Pandemic // *Administrative Theory & Praxis*. 2020. Vol. 42 (3). P. 364–378. <https://doi.org/10.1080/10841806.2020.1782128>
- Semenova O., Apalkova J., Butovskaya M. Spatial and Social Behavior of Single and Coupled Individuals of Both Sexes during COVID-19 Lockdown Regime in Russia // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2021. Vol. 18 (8). P. 4283. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084283>
- Stenstrom E., Stenstrom P., Saad G., Cheikhrouhou S. Online Hunting and Gathering: An Evolutionary Perspective on Sex Differences in Website Preferences and Navigation // *IEEE Transactions on Professional Communication*. 2008. Vol. 51 (2). P. 155–168.
- Taylor S. *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2019.
- Tyler T.R. Is the Internet Changing Social Life? It Seems the More Things Change, the More They Stay the Same // *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58 (1): 195–205. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00256>
- Ungar S. Hot Crises and Media Reassurance: A Comparison of Emerging Diseases and Ebola Zaire // *The British Journal of Sociology*. 1998. Vol. 49 (1). P. 36–56. <https://doi.org/10.2307/591262>
- Walsh D., Foster J. A Contagious Other? Exploring the Public’s Appraisals of Contact with “Mental Illness” // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17 (6). P. 2005. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062005>
- Whitty M.T. The Realness of Cybercheating: Men’s and Women’s Representations of Unfaithful Internet Relationships // *Social Science Computer Review*. 2005. Vol. 23. P. 57–67.

Research Article

Kryukova, N.V., and Y.I. Adam. Othering in Runet in the First Wave of the COVID-19 Pandemic [Ochuzhdenie i ochuzhdaemye v Runete v pervuiu “volnu” pandemii COVID-19]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 5, pp. 187–210. <https://doi.org/10.31857/S0869541522050104> EDN: IBEBMI ISSN 0869-5415
© Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Natalia Kryukova | <https://orcid.org/0000-0001-5247-1822> | nkryu@mail.ru | Russian State University for the Humanities (Miusskaya sq. 6, GSP-3, Moscow, 125047, Russia) | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospekt, Moscow, 119991, Russia)

Yulia Adam | <http://orcid.org/0000-0003-3839-8360> | yulia.adam@iea.ras.ru | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32-a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

othering, behavior, stigmatization, parochialism, us and them, Moscow, Muscovites, COVID-19

Abstract

The article examines the issue of othering in the Russian context during the first wave of the COVID-19 pandemic, drawing on the study of internet communications, mass media, and interviews. We have analyzed over 4000 text messages in various social and media networks of the Russian part of the internet, spanning the period from February 1, 2020, through June 2, 2021. The analysis showed that Muscovites were among the most deeply othered groups during the period as they were spoken of as contagious and therefore posing a danger. This may be seen as validating the basics of the theory of parochial altruism asserting that situations of existential danger foster prosocial behavior, at the same time raising the level of hostility towards the others, especially when the presence of the others is perceived as a threat to security. This also leads to the amplification of various stereotypes and markers, and it can be argued that politicians and administrative officials have significant influence on the ways in which phenomena of othering, labeling, categorization, and stigmatization proliferate.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:
Russian Foundation for Humanities, <https://doi.org/10.13039/100009094> [20-04-60186]

References

- Albert, E. 1986. Illness and Deviance: The Response of the Press to AIDS. In *The Social Dimensions of AIDS: Method and Theory*, edited by D.A. Feldman and T.M. Johnson, 163–178. New York: Praeger.
- Arkipova, A.S., et al. 2020. Puti rossiiskoi infodemii: ot WhatsApp do Sledstvennogo komiteta [Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 6 (160): 231–265. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1778>
- Arsenteva, I.I. 2021. Politicheskii diskurs stigmatizatsii Kitaia v kontekste pandemii COVID-19 [The Political Discourse of China Stigmatization in the Context of the COVID-19 Pandemic]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* 14 (2): 22–46. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2021-2-77-22-46>
- Bartos, V., M. Bauer, J. Čahlíková, and J. Chytilová. 2020. Covid-19 Crisis Fuels Hostility against Foreigners. *SSRN*. 18.06.2020. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3593411>
- Berezovich, E., and I. Krivoschapova. 2015. Obraz Moskvy v zerkale russkogo i inostrannykh iazykov: Chelovek. Kul'tura. Politika i ekonomika [The Image of Moscow in the Mirror of Russian and Foreign Languages: A Man, Culture, Politics and Economics]. *Quaestio Rossica* 1: 129–152. <https://doi.org/10.15826/qr.2015.1.083>

- Bernhard, H., U. Fischbacher, and E. Fehr. 2006. Parochial Altruism in Humans. *Nature* 442 (7105): 912–915. <https://doi.org/10.1038/nature04981>
- Borodkina, O.I. 2008. Sotsial'nyi kontekst epidemii VICH/SPIDa v Rossii [The Social Context of the HIV/AIDS Epidemic in Russia]. *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki* 6 (2): 151–176.
- Bowles, S. 2009. Did Warfare among Ancestral Hunter-Gatherers Affect the Evolution of Human Social Behaviors? *Science* 324 (5932): 1293–1294. <https://doi.org/10.1126/science.1168112>
- Bruneau, E.G., M. Cikara, and R. Saxe. 2017. Parochial Empathy Predicts Reduced Altruism and the Endorsement of Passive Harm. *Social Psychological and Personality Science* 8 (8): 934–942. <https://doi.org/10.1177/1948550617693064>
- Burkova, V.N., et al. 2021. Predictors of Anxiety in the COVID-19 Pandemic from a Global Perspective: Data from 23 Countries. *Sustainability* 13 (7): 4017. <https://doi.org/10.3390/su13074017>
- Butovskaya, M.L., et al. 2021. Cross-Cultural Perspectives on the Role of Empathy during COVID-19's First Wave. *Sustainability* 13 (13): 7431. <https://doi.org/10.3390/su13137431>
- Crawford, R. 1994. The Boundaries of the Self and the Unhealthy Other Reflections on Health, Culture and AIDS. *Social Science & Medicine* 38 (10): 1347–1365. [https://doi.org/10.1016/0277-9536\(94\)90273-9](https://doi.org/10.1016/0277-9536(94)90273-9)
- Dimijian, G.G. 2010. Warfare, Genocide, and Ethnic Conflict: A Darwinian Approach. *Baylor University Medical Center Proceedings* 23 (3): 292–300. <https://doi.org/10.1080/08998280.2010.11928637>
- Goette, L., D. Huffman, S. Meier, and M. Sutter. 2010. Group Membership, Competition, and Altruistic Versus Antisocial Punishment: Evidence from Randomly Assigned Army Groups. *IZA Discussion Paper* 5189. <https://ssrn.com/abstract=1682710>
- Grigoreva, K.S., and I.A. Khamidova. 2018. Sel'skie zhiteli Chechenskoï Respubliki o Moskve i moskvichakh [Rural Inhabitants of the Chechen Republic on Moscow and Muscovites]. *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 3 (145): 230–247. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.3.12>
- Hewstone, M., M. Rubin, and H. Willis. 2002. Intergroup Bias. *Annual Review of Psychology* 53 (1): 575–604. <https://doi.org/10.1146/annurev.psych.53.100901.135109>
- Hoffman, E. 1963. *Stigma: Notes on the Management of Spoiled Identity*. New York: Simon & Schuster.
- Hsu, M., and Ch. Liu. 2006. Discourse of “Othering” During the SARS Outbreak in Taiwan: A News Analysis. In *Population Dynamics and Infectious Diseases in Asia*, edited by A.C. Sleight, et al., 329–350. Singapore: World Scientific.
- Ivic, S., and R. Petrovic. 2020. The Rhetoric of Othering in a Time of Pandemic: Labeling COVID-19 as a “Foreign Virus” in Public Discourse. *Kultura Polisa* 17 (43): 421–433.
- Joffe, H. 1999. *Risk and “the Other”*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511489846>
- Joffe, H., and G. Haarhoff. 2002. Representations of Far-Flung Illnesses: The Case of Ebola in Britain. *Social Science & Medicine* 54 (6): 955–969. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(01\)00068-5](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(01)00068-5)
- Kanishchev, V.V., Yu.V. Meshcheriakov, and E.V. Yakovlev. 2006. Istochniki izucheniia povedeniia naseleniia i deiatel'nosti vlastei Tambovskoi gubernii v usloviakh kholernykh epidemii XIX v. [Sources of Studying the Behavior of the Population and the Activities of the Authorities of the Tambov Province in

- the Conditions of Cholera Epidemics of the XIX Century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* 1 (41): 15–27.
- Kasperson, R.E., N. Jhaveri, and J.X. Kasperson. 2001. Stigma and the Social Amplification of Risk: Toward a Framework of Analysis. In *Risk, Media and Stigma: Understanding Public Challenges to Modern Science and Technology*, edited by J. Flynn, P. Slovic, and H. Kunreuther, 176–195. London: Routledge.
- Keil, R., and H. Ali. 2006. Multiculturalism, Racism and Infectious Disease in the Global City: The Experience of the 2003 SARS Outbreak in Toronto. *TOPIA* 16: 23–49. <https://doi.org/10.3138/TOPIA.16.23>
- Link, B.G., and J.C. Phelan. 2001. Conceptualizing Stigma. *Annual Review of Sociology* 27: 363–385. <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.27.1.363>
- Lubi, K., et al. 2022. “Other Patients Become a Secondary Priority”: Perceptions of Estonian Frontline Healthcare Professionals on the Influence of COVID-19 on Health (in) Equality and Ethical Decision-Making. *Journal of Communication in Healthcare* 15 (1): 54–63.
- Mak, W.W.S., et al. 2006. Comparative Stigma of HIV/AIDS, SARS, and Tuberculosis in Hong Kong. *Social Science and Medicine* 63 (7): 1912–1922. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2006.04.016>
- Mikhel, D.V., I.V. Mikhel, and I.E. Sirotkina. 2004. Meditsina protiv epidemii v Povolzh'e: sotsial'no-istoricheskii kontekst (1890–1925) [Medicine against Epidemics in the Volga Region: Socio-Historical Context (1890–1925)]. *Vestnik Evrazii* 3: 113–139.
- Noel, T.K. 2020. Conflating Culture with COVID-19: Xenophobic Repercussions of a Global Pandemic. *Social Sciences & Humanities Open* 2 (1): 100044. <https://doi.org/10.1016/j.ssaho.2020.100044>
- O'Brien, M.L., and M.A. Eger. 2021. Eger Suppression, Spikes and Stigma: How COVID-19 Will Shape International Migration and Hostilities toward It. *International Migration Review* 55 (3): 640–659. <https://doi.org/10.1177/0197918320968754>
- Oslon, A.A., et al. 2021. *Sotsiologiya pandemii. Proekt koronaFOM* [The Sociology of the Pandemic: Project CoronaFOM]. Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoe Mnenie (inFOM).
- Parker, P., and P. Aggleton. 2003. HIV and AIDS-related Stigma and Discrimination: A Conceptual Framework and Implications for Action. *Social Science and Medicine* 57 (1): 13–24. [https://doi.org/10.1016/s0277-9536\(02\)00304-0](https://doi.org/10.1016/s0277-9536(02)00304-0)
- Piazza, J., and J.M. Bering. 2009. Evolutionary Cyber-Psychology: Applying an Evolutionary Framework to Internet Behavior. *Computers in Human Behavior* 25 (6): 1258–1269. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2009.07.002>
- Prikhodko, O.V., et al. 2020. Ways of Expressing Emotions in Social Networks: Essential Features, Problems and Features of Manifestation in Internet Communication. *Online Journal of Communication and Media Technologies* 10 (2): e202010. <https://doi.org/10.29333/ojcm/7931>
- Prokofeva, A.M., and M.S. Kroshkina. 2018. Tsennostnye orientatsii sovremennogo moskvicha v predstavleniiakh rossiiskikh migrantov [Value Orientations of a Modern Muscovite in the Representations of Russian Migrants]. *Sotsiodinamika* 5: 21–28. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2018.5.26209>
- Puurinen, M., and T. Mappes. 2009. Between-Group Competition and Human Cooperation. *Proceedings of the Royal Society B* 276 (1655): 355–360. <https://doi.org/10.1098/rspb.2008.1060>
- Reny, T.T., and M.A. Barreto. 2020. Xenophobia in the Time of Pandemic: Othering, Anti-Asian Attitudes, and COVID-19. *Politics, Groups, and Identities* 10 (2): 209–232. <https://doi.org/10.1080/21565503.2020.1769693>

- Roberto, K.J., A.F. Johnson, and B.M. Rauhaus. 2020. Stigmatization and Prejudice during the COVID-19 Pandemic. *Administrative Theory & Praxis* 42 (3): 364–378. <https://doi.org/10.1080/10841806.2020.1782128>
- Salyakina, E.D., I.A. Alentyeva, E.A. Rodina, and M.V. Davidenko. 2022. Aggressiia i nasilie v otnoshenii meditsinskikh rabotnikov vo vremia pandemii COVID-19 [Aggression and Violence against Medical Workers during the COVID-19 Pandemic]. *Acta Medica Eurasica* 1: 44–55. <https://doi.org/10.47026/2413-4864-2022-1-44-55>
- Semenova, O., J. Apalkova, and M. Butovskaya. 2021. Spatial and Social Behavior of Single and Coupled Individuals of Both Sexes during COVID-19 Lockdown Regime in Russia. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 18 (8): 4283. <https://doi.org/10.3390/ijerph18084283>
- Shlee, G. 2004. *Upravlenie konfliktami: teoriia i praktika* [Conflict Management: Theory and Practice]. Moscow: Terra.
- Sokolovskiy, S.V. 2001. *Obrazy “drugikh” v rossiiskoi nauke, politike i prave* [Images of “Others” in Russian Science, Politics and Law]. Moscow: Put’.
- Sorokin, M.Yu., et al. 2021. Populiatsionnoe issledovanie psikhicheskogo zdorov’ia medrabotnikov Rossii: faktory distressa, assotsiirovannogo s pandemiei COVID-19 [A Population Study of Mental Health in Russian Medical Workers: Factors of Distress Associated with COVID-19 Pandemic]. *Sotsial’naia i klinicheskaiia psikhiatriia* 31 (1): 49–58.
- Sorokin, P.A. 2012. *Chelovek i obshchestvo v usloviakh bedstvi: vliianie voyny, revoliutsii, goloda, epidemii na intellekt i povedenie cheloveka, sotsial’nuu organizatsiiu i kul’turnuu zhizn’* [Man and Society in Calamity: The Effects of War, Revolution, Famine, Pestilence upon Human Mind, Behavior, Social Organization and Cultural Life]. St. Petersburg: Mir.
- Stenstrom, E., P. Stenstrom, G. Saad, and S. Cheikhrouhou. 2008. Online Hunting and Gathering: An Evolutionary Perspective on Sex Differences in Website Preferences and Navigation. *IEEE Transactions on Professional Communication* 51 (2): 155–168.
- Taylor, S. 2019. *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
- Turkulets, S.E., A.V. Turkuletc, E.V. Listopadova, and M.V. Sokol’skaya. 2020. Sotsial’naia stigmatizatsiia v period pandemii [Social Stigmatization during the Pandemic]. *Sotsiodinamika* 5: 11–25. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.5.32945>
- Tyler, T.R. 2002. Is the Internet Changing Social Life? It Seems the More Things Change, the More They Stay the Same. *Journal of Social Issues* 58 (1): 195–205. <https://doi.org/10.1111/1540-4560.00256>
- Tyuvina, N.A., V.O. Vysokova, T.N. Maksimova, and S.V. Prokhorova. 2021. Prichiny i prediktory psikhicheskikh narushenii v period pandemii COVID-19 [Causes and Predictors of Mental Disorders during the COVID-19 Pandemic]. *Nevrologiia, neiropsikhiatriia, psikhosomatika* 13 (6): 85–90. <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2021-6-85-90>
- Ungar, S. 1998. Hot Crises and Media Reassurance: A Comparison of Emerging Diseases and Ebola Zaire. *The British Journal of Sociology* 49 (1): 36–56. <https://doi.org/10.2307/591262>
- Walsh, D., and J. Foster. 2020. A Contagious Other? Exploring the Public’s Appraisals of Contact with ‘Mental Illness’. *International Journal of Environmental Research and Public Health* 17 (6): 2005. <https://doi.org/10.3390/ijerph17062005>
- Whitty, M.T. 2005. The Realness of Cybercheating: Men’s and Women’s

Representations of Unfaithful Internet Relationships. *Social Science Computer Review* 23: 57–67.

- Zverev, V.A. 1996. Sanitarnaia kul'tura i zhiznesokhranitel'noe povedenie krest'ianstva Verkhnego Priob'ia (dva siuzheta iz vtoroi poloviny XIX – pervoi treti XX v.) [Sanitary Culture and Life-Saving Behavior of the Upper Ob Peasantry (Two Plots from the Second Half of the 19th – First Third of the 20th Century)]. In *Berdska: proshloe, nastoiashchee, budushchee: sbornik statei i materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Berdska: Past, Present, Future: Collection of Articles and Materials of the Scientific and Practical Conference], edited by V.I. Sobolev, V.I. Baiandin, and L.I. Vasekha, 1: 1–8. Novosibirsk: Administratsiia g. Berdska Novosibirskoi oblasti; DYuETs “Bereginiia”; NGPU.
- Zvonovskii, V.B. 2008. VICH i stigma [HIV and Stigma]. *Zhurnal issledovanií sotsial'noi politiki* 6 (4): 505–522.